

и/или имени автора (если он указан) нужное произведение можно найти.

Указанные выше недочёты и погрешности не мешают пользоваться книгой и лишь в малой степени влияют на качество рецензируемого труда, поскольку касаются в первую очередь оформления. Высказанные замечания не ставят под сомнение главное — общий высокий уровень всех подготовленных описаний и квалификацию составителя — великолепного знатока канонических текстов.

В заключение необходимо отметить, что М.В. Корогодиной охвачен очень большой и, самое главное, разнообразный материал. Можно только восхищаться археографом, свободно работающим с рукописями как XIX, так и XV столетий. Несомненно, публикация вызовет значительный интерес у самой широкой аудитории, поскольку канонические памятники в той или иной степени входят в сферу занятий многих исследователей как в России, так и за рубежом.

Примечания

¹ См., например: *Сергеев А.Г.* Описание бумажных рукописей XIV века Библиотеки Рос-

сийской академии наук. М.; СПб., 2017; *Анисимова Т.В.* Каталог славяно-русских рукописных книг из собрания Е.Е. Егорова. Т. 2. № 101—200. М., 2019; *Левшина Ж.Л., Филонов Е.А., Шевченко Е.Э., Шибанов М.А.* Рукописные книги собрания М.П. Погодина: Каталог. Вып. 7. СПб., 2020; Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов. Вып. 3. Сборник аскетический — «Священные параллели» Иоанна Дамаскина / Под ред. Л.В. Мошковой. М., 2020. Среди крупнейших отечественных хранилищ особняком стоит Государственный исторический музей: создаётся впечатление, что сотрудники Отдела рукописей принципиально не занимаются подготовкой каталогов, хотя их собрание является одним из богатейших в России.

² Практически все книги, описания которых включены в третий выпуск Каталога РГАДА, относятся к «сборникам непостоянного состава», но тем не менее по содержанию их можно разделить на аскетические, богослужебные, житий и слов, канонические, энциклопедические и др. (см.: Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века... Вып. 3. С. 5—6).

³ В последних двух случаях дана ссылка на печатную Кормчую (М., 1653), из которой текст и выписан.

⁴ *Попов А.Н.* Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV в.). М., 1875.

⁵ Там же. С. 126.

Константин Ерусалимский

Рец. на: В.Н. Козляков. Смутное время в России начала XVII века. М.: Квадрига, 2021. 556 с.

Konstantin Yerusalimskiy

(Russian State University for the Humanities, Moscow)

Rec. ad op.: V.N. Kozlyakov. Smutnoye vremya v Rossii nachala XVII veka. Moscow, 2021

DOI: 10.31857/S086956870016608-9

Монография о Смутном времени продолжает серию исследований и исторических биографий Вячеслава Николаевича Козлякова, посвящённых драматичным событиям рубежа

XVI и XVII вв.¹ В своей новой работе (во многом дополняющей его же труд 2007 г.)² автор поставил задачу пересмотреть основные вехи Смуты с учётом новейших достижений историо-

графии. После основного повествования первой части книги, охватившего период от времени правления Ивана Грозного до избрания Михаила Романова на царство, во второй части приведены очерки, главным образом касающиеся событий 1612 г. и общих проблем изучения Смутного времени в России. Один из них посвящён видному специалисту по истории данной эпохи А.Л. Станиславскому. Книга не нацелена на создание генеральной новой концепции. Её задача состоит скорее в том, чтобы связать известные в науке события с наработками наших дней, увидеть новые горизонты знания и отреагировать на недавние дискуссии. Новации в подходе к Смутному времени в книге Козлякова заметны, они позволяют многое в тех событиях увидеть в новом свете.

На фоне исследований В.И. Ульяновского, А.В. Лаврентьева, Б.А. Успенского, А.А. Булычёва, А.Л. Баталова своевременно появление в обобщённой работе о Смуте значительных сюжетов, посвящённых религиозности, символизму, ментальностям. Планы Бориса Годунова воздвигнуть в Кремле Святая Святых (храм, посвящённый Воскресению Христову, название которого апеллировало к ветхозаветному храму Соломона и к Гробу Господню), строительство Лжедмитрием I — возможно, из материалов недоделанного храма царя Бориса — своего дворца, императорский титул того же Лжедмитрия и идея общехристианского похода против Османской империи, проект создания университета в России, страшные для современников видения и знамения, портретные изображения царствующих особ, выплаты шведам из рати кн. М.В. Скопина-Шуйского денег из переплавленных фигур апостолов для того же недостроенного храма, сочинения патриарха Гермогена, кн. Ивана Хворостинина или Авраамия Па-

лицына рассматриваются не только как «отражения реальности» или «мир фантастического», а как часть исторической реальности, нередко в годы Смуты оказывавшей определяющее влияние на ход событий.

Исследователь признаёт, преодолевая тягу к метафизическим и детерминистским конструкциям, немалую роль исторической случайности. Опричнина не предопределялась каким-либо ходом исторического развития. Не была закономерностью и смерть царевича Дмитрия. Никто не предопределил отсутствие потомства у царя Фёдора Ивановича. Однако в последующих событиях также оказалось немало непредсказуемых поворотов, число которых росло по мере вплетения страны в клубки неопределённости. Своевременный приход к Лжедмитрию I донских казаков под Чернигов и опоздание тогда же посланного Борисом Годуновым войска кн. Н.Р. Трубецкого и П.Ф. Басманова — это, как пишет автор, мало заметный поворотный момент истории, «когда выбор дальнейшего пути всей страны зависит от случая» (с. 90—91). Таких «случайностей» и стечений обстоятельств в дальнейшем становилось всё больше именно потому, что открытые структуры легитимности и волевые решения частных лиц занимали непривычно значительное место в масштабных событиях, а само понятие «события» требует иной оптики, потому что исторический процесс в этот период точнее представить из перспективы гражданского противостояния, а не солидарных решений.

Как показывают работы Козлякова, исследователю Смуты приходится отказываться и от привычного взгляда на политическую историю России. Одна из самых популярных для монографических опусов эпоха «главной личности» в российской истории непривычно сменяется периодом,

когда у власти оказываются слабые политики, претенденты и женщины. Ценными открытиями в этой области исследователь делится, когда описывает роль в событиях Смуты цариц. Передача власти в 1598 и 1605 гг. была невозможна без решений Ирины Годуновой (причём как о пострижении в монахини, так и уже в качестве монахини — о её согласии на участие брата в выборах на российский престол) и Марфы Нагой (как в качестве названной матери царя, так и его соправительницы в Вознесенском монастыре Кремля). После смерти Бориса Годунова власть фактически перешла к царице Марии Григорьевне, и от её решений (и, конечно, её окружения) зависел исход борьбы с «царевичем Дмитрием Ивановичем» на юге и во всем государстве. Коллизии последующей истории невозможно понять вне тех решений, которые принимали Марфа Нагая, поменявшая своё мнение о «сыне», и действующая царица Марина Мнишек, принявшая Лжедмитрия II в качестве мужа, тем самым признав его тождество с Лжедмитрием I.

Благодаря книге Козлякова, всё отчётливее выявляется роль Земских соборов. Помимо хорошо известных общих собраний, на которых принимались решения о возведении Бориса Годунова, Василия Шуйского и Михаила Романова, сегодня обсуждаются и другие подобные мероприятия. Собор после смерти царя Бориса Фёдоровича, на котором целовали крест царице Марии Григорьевне, царю Фёдору Борисовичу и царевне Ксении Борисовне, как считает исследователь, был только «видимостью» (с. 109). Ещё одно «подобие земского собора» относится к июню-июлю 1605 г., когда самозванный Дмитрий Иванович решал судьбу кн. В.И. Шуйского (с. 131). Собор, несомненно, нарекал позднее царём того же Василия Шуй-

ского в Москве у Лобного места, хотя и в данном случае, по словам исследователя, важен был эффект всеобщего решения, тогда как и в самой Москве «многие даже не знали, что происходит наречение нового царя» (с. 182—186, 188). Собор, возможно, с элементами государственного переворота сопровождал подготовку к выступлению царя Василия Ивановича из Москвы после поражения войска под Калугой в мае—июне 1607 г. (с. 212—214). Острый момент в стане Василия Шуйского наступил в июле-августе 1609 г., когда наёмники шведского короля отказались продолжать боевые действия до передачи Корелы и выплаты жалованья — по этому вопросу потребовалось «подобие земского собора» в Москве (с. 267). Подобие собора имело место при присяге тушинских бояр и рыцарства Сигизмунду III Вазе 29 декабря 1609 г. (с. 303). Ссылки на решения «всей земли» стали общим местом после сведения Василия Шуйского с престола в 1610 г. (особенно после приговора Первого ополчения 30 июня 1611 г.). И пиком освободительной истории был Земский собор 1613 г. Скепсис самого же автора в отношении части из названных в книге соборов вполне оправдан. Труднее оценить соборные заявления Василия Шуйского в 1606 г. К ним царь возвращался неоднократно и вряд ли воспринимал их как чистую формальность (ср. на с. 187, 290—291, 299). Нет ясности и с политическим значением «уложенной грамоты» Михаила Романова — соборная практика сохранила своё значение в первые годы правления юного царя и вряд ли обязательства царя и «земли» не были взаимными.

Весьма значительны наблюдения учёного за сословной структурой России Нового времени³. С эпохой Смуты и её кануном связывается в науке начало закрепощения крестьянства.

Как показывает исследователь, приводя новые интерпретации и опровергая мнения коллег, в этой области многие вопросы остаются нерешёнными и спорными. Козляков доказывает, что частичное восстановление Юрьева дня в 1601—1602 гг. было попыткой власти спасти зависимых людей детей боярских от вымирания.

Определяющая роль в событиях Смуты принадлежала служилым людям и казачеству. По отношению к последнему новые рубежи знания открыты в работах Станиславского. Казачество складывалось в военную силу накануне и во время Смуты, события которой укрепляли их ряды и создавали двойственный, но для многих притягательный образ свободных воинов на государственной службе. В то же время дворянские корпорации сформировали свои локальные оплоты, сумевшие не только отстоять в «войне всех против всех» интересы «служилых городов», но и выставить к концу Смуты оказавшие определяющее влияние на служилый класс консолидированные требования на Земских соборах. Это очевидно уже в движении рязанских детей боярских во главе с Прокопием Ляпуновым, в деятельности сына боярского из Епифани Истома Пашкова во время восстания И.И. Болотникова, но особенно ярко — начиная с осени 1608 г., когда служилые города начали выбирать между Лжедмитрием II и Василием Шуйским.

Впервые в таком значительном объёме, во многом вслед за исследованиями Ю.М. Эскина, А.П. Павлова и И.О. Тюменцева в данной области, учтена история придворных иерархий и местничества. Именно местническое неприятие зятя С.Н. Годунова кн. А.А. Телятевского позволило осуществить, по сути, военный переворот в армии Фёдора Борисовича Годунова под Кромами в мае 1605 г. (с. 113—

115). Местнический счёт влиял и на матримонильную политику Лжедмитрия I в отношении кн. Ф.И. Мстиславского и кн. В.И. Шуйского (с. 162), и на рост напряжённости в стане защитников Василия Шуйского после битвы за Брянск в начале 1608 г. (с. 230), и на разделение элит в годы правления Василия Шуйского между Москвой и Тушинским лагерем, и на выступление кн. А.В. Голицына против окольничества, пожалованного королём Сигизмундом III И.Н. Ржевскому (с. 317, 350), и др. Позднее обновлённый местнический счёт оказывал определяющее влияние на стабилизацию Государева двора в конфликтах периода правления Михаила Романова, когда определялись придворные группировки и кланы (с. 487—493). Благодаря местническим делам осуществлялось давление на Ф.Н. Романова и его родственников при Борисе Годунове, а также на Б.Я. Бельского, позднее — на кн. Д.М. Пожарского и на родственников «изменников» эпохи Смуты — Салтыковых, князей Трубецких и др. (с. 440—441).

После работы Козлякова вряд ли возродится гиперкритический подход к политическому выбору Боярской думы летом 1610 г., когда решался вопрос, оставаться при Лжедмитрии II или договариваться о вступлении на трон Владислава Жигимонтовича. Выбор в пользу королевича Владислава, конечно, был сложным и драматичным решением, которое представлялось московской знати и детям боярским в части регионов Российского царства спасительным и невольно запустило целый комплекс процессов, обернувшихся выходом страны из политического кризиса. Возрождение концепции Смуты С.Ф. Платонова на этом уступает, впрочем, другим аргументам, в частности А.Л. Станиславского и Р.Г. Скрынникова, решившихся выразить назревавший

ещё в работах Ю.В. Готье, С.Г. Томсинского, Н.Е. Носова и В.Н. Бернадского взгляд на события Смуты как на гражданскую войну. В этой войне «народные» массы, как и «правительственные» силы, боролись за суверенитет; казачество же было не мятежной «вольницей», а одной из политических сил вплоть до выборов царя Михаила Романова. Первое же ополчение в историографии нередко воспринимается как дворянско-казацкое в противовес всенародному Второму ополчению (дискуссия в книге Козлякова на с. 503—507, 514—516).

Сегодня можно считать доказанным, что «люди Смутного времени» не занимали сторон раз и навсегда, а роли их причудливо менялись. Падение Тушинского лагеря не прошло бесследно как для сторонников королевича Владислава, так и для ополченцев, дав надежды на трон кн. В.В. Голицыну и Я.-П. Сапеге, приведя к власти кн. Д.Т. Трубецкого, Ф. Андронova, М.Г. Салтыкова, подарив перспективы лидерства Ф.Н. Романову, а затем повлияв и на выбор его сына Михаила на российский престол. При этом царь Дмитрий Иванович, как известно, вновь восстал из мёртвых в образе «воровского царя Сидорки», который, как и сын Марины Мнишек Иван, прочертил линию разлада между Первым и Вторым ополчениями (хотя последнее из них почти сразу стало выступать от имени обеих ратей, в том числе в рассылаемых по стране грамотах и посольствах). Ясно и то, что политическим ориентиром Второго ополчения стал главный соперник короля Сигизмунда III шведский король Карл IX. В отношении ополченцев с кремлёвским гарнизоном это вносило непреодолимую непримиримость. И этот же фактор стал определяющим в расколе между лидерами обоих ополчений и казачеством (которое требовало государя из местных родов)

после занятия ими Москвы в ходе подготовки избирательного Земского собора. Впрочем, казачество не было единой силой в этих событиях (с. 506).

Насыщенный интерпретациями язык книги иногда не выдерживает множества факторов, которые приходится учитывать. Расправа Лжедмитрия I с Шуйскими, как полагает автор, «прекратила всякие опасения» его и его сторонников, что кн. В.И. Шуйский «станет разоблачать самозваного царя» (с. 133). Это — сомнительное объяснение как самой показательной казни и столь же картинного помилования Шуйского в июне 1605 г., так и расстановки сил в майских событиях 1606 г. Вряд ли Василий Шуйский знал намного больше, чем кн. Фёдор Мстиславский и Филарет Романов, которых Лжедмитрий не только не преследовал, но и возвысил. Тем более что сам царь Дмитрий признавался Яну Бучинскому, что в деле Шуйских стремился показаться своим подданным милостивым царём, а не тираном (с. 153).

Впрочем, отношения царя Дмитрия с Боярской думой остаются под большим вопросом в связи с лакунами в дошедших до нас источниках, из-за которых и логика повествования Козлякова скорее предположительная, чем утвердительная. Мы не знаем, насколько широким был заговор, приведший царя к гибели, и можем только догадываться, готовился ли он задолго до восстания. Предметом споров остаётся и вопрос о том, насколько многочисленные источники, созданные уже после гибели Самозванца, отражают прижизненные представления его российских современников. Трудно вписать в общую схему конфликта между царём и Боярской думой, например, такие факты, как переговоры Ивана Безобразова ещё в начале 1606 г. с польским королём о возможном смещении Дмитрия с

престола, информацию перебежчиков Хрипуновых о готовящейся мести короля самозванцу или информированность Юрия Мнишека о готовящемся восстании в Москве против его зятя. Да и польские послы были крайне недовольны поведением московского царя и видели его вину в событиях 17 мая 1606 г.

Можно было бы попенять автору, что по мере углубления в Смуту его оценки участников событий становятся всё более полярными и драматично-окрашенными. Говорится, например, о «чудовищно фальшивом гриме» в самоидентификации Лжедмитрия II с царём Дмитрием Ивановичем (с. 231, 244, 280). Сторонникам второго Самозванца приписано губительное для них и для их предводителей «желание завоевать сразу много городов и уездов» (с. 263), а о кн. М.В. Скопине-Шуйском говорится, что он поплатился жизнью за то, что «потревожил опричные тени» (с. 284). Позиция подканцлера Короны Польской Феликса Крыйского в отношении Московского государства на сейме 1611 г. почему-то названа политикой «двойных стандартов» (с. 309). Лидерам Первого ополчения вменено, что те «стали думать больше о собственных интересах, чем об общем земском деле, ради которого они пришли под Москву» (с. 338, 340, 342). При этом созыв Второго ополчения напоминает автору «историю Жанны д'Арк» (с. 365).

В целом, противники Василия Шуйского, а затем ополчений (обоих или трёх, с учётом рати кн. А.А. Репнина и А.С. Алябьева) изображены несколько безжизненно, они будто бы почти ничем не мотивированы, кроме наживы и властолюбия. Повествование заметно поменяло бы оттенки смыслов, если бы актёрство Самозванца было осмыслено как таковое — как востребованная и приемлемая

роль, с которой приходилось мириться не только формально подчинённым ему польско-литовским войнам, но и его названной жене Марине Мнишек, и многим высшим сановникам государева двора в Тушино, принявшим его за царя Дмитрия Ивановича. На фоне предположений Козлякова о любви Василия Шуйского к перебежчикам и даже двойным перебежчикам напрашивается мысль, что юные «перелёты», в первую очередь стольники из придворных семейств, шли на сторону нового Самозванца с молчаливого согласия царя Василия или даже в его интересах (с. 244—245).

В то же время нижегородское сопротивление и по форме, и по своей сути было движением, сопоставимым с шляхетскими конфедерациями, угрожающими стабильности государственного порядка. Небесспорно в приложении к героям повествования звучат некоторые характеристики, почерпнутые из сочинений публицистов и иноземных свидетелей эпохи Смуты. Например, высокие оценки Годуновых в трудах Джерома Горсея, Исаака Массы, кн. Ивана Катырева-Ростовского — все названные, конечно, не могли не восторгаться Годуновыми. Менее охотно Козляков принимает оценки Лжедмитрия I в сочинениях Станислава Немоевского и того же Массы. Не вызывает согласия оценка отношений Сигизмунда III с Лжедмитрием I. Неоднократно в книге звучит мысль, что король был благосклонен к царевичу (с. 81, 137, 138, 143, 144). Между тем убедительнее звучит версия об использовании царевича королём для дестабилизации обстановки в России на фоне доходящих до Сигизмунда III слухов о матримониальных проектах между Россией и Швецией. Ни о какой особой благосклонности короля к Самозванцу из Московии сведений нет; да и вряд ли тайные договорённо-

сти о пропуске кучки добровольцев, не поддерживаемой никем в Москве и состоявшей из эмигрантов-москвитов, казаков и обнищавшей шляхты, без согласия сейма и при нейтралитете короля можно считать проявлением такой милости.

Вызывают вопрос некоторые фактические решения автора. В одном случае «во ста первом на десять году» раскрыто как 1601—1602 гг. (с. 63), тогда как речь идет о 1602—1603 гг. (слухи о контрабандной торговле З.П. Ляпунова с Доном). Ещё одно спорное решение — «пол осма милеона» в сноске поясняется как «750 000 рублей» (с. 157), а это всё же — 7 млн 500 тыс. (речь идёт о предполагаемых тратах Лжедмитрия I). Неразбериха коснулась и рассказа о конце 1609 — начале 1610 г.: многие указанные здесь события, датированные 1609 г., на самом деле относятся к 1610 г. (с. 280—283). Чья-то забывчивость при подготовке книги (говорится о выделении шрифтом, но сам шрифт не изменён) лишила читателя возможности понять, в чём же отличие между редакциями крестоцеловальной записи Первого ополчения (с. 336). Статус Новгорода в глазах шведских властей по договору 11 июля 1611 г. всё же невозможно сопоставить с положением Великого княжества Литовского в составе Речи Посполитой, поскольку Люблинская уния создала федеративное государство, чего не предусматривал «новгородско-шведский альянс» (с. 348).

Нерешёнными остаются многие частные вопросы, прописанные в книге со всей детальной тонкостью, но не раскрытые из-за нехватки или неразрешимой противоречивости источников. Неясно (даже после долгих дискуссий второй половины прошлого века), какими путями двигались к Москве летом-осенью 1606 г. сторонники И.И. Болотникова и ещё не явленного

вновь царя Дмитрия Ивановича, когда именно «после Покрова» пришли под стены столицы и как датировать Коломенскую битву с болотниковцами ноября-декабря того же года. Своя гипотеза, вполне убедительная по аргументации, позволила Козлякову датировать мятеж кн. Р.И. Гагарина и других придворных лиц против царя Василия Шуйского декабрём 1608 г., а выступление патриарха Гермогена 25 февраля 1609 г. считать отдельным событием, направленным на примирение сторонников царя Василия Ивановича. Неясно, какая дата (25 или 29 мая 1611 г.) была крайней для явки в Первое ополчение; когда именно перед нижегородцами впервые выступил со своей легендарной речью Кузьма Минин; когда соборные старцы Троице-Сергиева монастыря возили обращение монастырских властей к кн. Д.Т. Трубецкому и кн. Д.М. Пожарскому; какого числа открылся Земский собор 1613 г. Что же касается национального праздника наших дней, то исследователь занимает недвусмысленную позицию: в 1612 г. 22 октября приходилось на 1 ноября по григорианскому календарю, это был день штурма Китай-города казаками кн. Трубецкого, а вовсе не день победы ополченцев над кремлёвским гарнизоном. В наши же дни 22 октября приходится на 4 ноября, когда в православной Церкви празднуется день Казанской иконы Божией Матери, список которой заказал кн. Пожарский во время пребывания его ополчения в Ярославле. Лишь отчасти подтверждается источниками легендарный подвиг Ивана Сусанина: спорны и время его гибели, и сами обстоятельства (скорее не болото, а казнь на пыточном столбе). От решения этих и подобных спорных вопросов зависят существенные детали в понимании событий Смуты, однако обязанность историка оставлять

открытыми те вопросы, на которые источники ответов не дают. И в этом смысле также книга В.Н. Козлякова — ценное слово на предельных рубежах наших знаний.

Примечания

¹ Козляков В.Н. Михаил Фёдорович. М., 2004; Изд. 2. М., 2010; Козляков В.Н. Марина Мнишек. М., 2005; Изд. 2. М., 2018 (пер. на польск. яз. изд. в 2011 г.); Козляков В.Н. Василий Шуйский. М., 2007; Козляков В.Н. Лжедмитрий I. М., 2009; Козляков В.Н. Борис Годунов. М., 2011; Изд. 2. М., 2017; Козляков В.Н. Герои Смуты. М., 2012; Козляков В.Н. Царица Евдокия, или Плач по Московскому царству. М., 2014.

Александр Пученков

Двенадцать месяцев из жизни революционного Крыма (апрель 1919 — апрель 1920 г.)*

Alexander Puchenkov

(Saint Petersburg State University, Russia)

Twelve months in the life of the revolutionary Crimea (April 1919 — April 1920)

DOI: 10.31857/S086956870016619-1

В двух монографиях московского историка М.В. Владимирского освещены события Гражданской войны в Крыму от захвата полуострова красными в апреле 1919 г. до отставки А.И. Деникина с поста главнокомандующего Вооружёнными силами на юге России (ВСЮР) и передачи им своих полномочий барону П.Н. Врангелю 22 марта (4 апреля) 1920 г. Эта диалогия — пример по-настоящему творческого и талантливого исследования, выводы и наблюдения которого будут востребованы историками.

Короткий период владычества в Крыму большевиков в апреле—июне

² Козляков В.Н. Смута в России. XVII век. М., 2007. Основная часть обсуждаемого далее издания состоит из перепечатки данной работы, к которой добавлен небольшой вводный раздел о новейшей историографии проблемы, но удалена приведённая в издании 2007 г. «Утверждённая грамота» Михаила Романова 1613 г. Впрочем, ей посвящены специальные разделы в книге: Козляков В.Н. Московское царство. СПб., 2019. С. 163—193.

³ Об этом см. расширенное и дополненное новыми материалами переиздание докторской диссертации исследователя: Козляков В.Н. Служилые люди России XVI—XVII веков. М., 2018. См. также: Лантеева Т.А. Эволюция служилого «города» // Сословия, институты и государственная власть в России: (Средние века и раннее Новое время): Сборник статей памяти академика Л.В. Черепнина. М., 2010. С. 684—693.

1919 г. до сей поры находился на периферии исследовательского внимания. Советская историография, по сути, не объясняла причины быстрой победы белых в Крыму в июне 1919 г., ограничиваясь туманными рассуждениями о сложившейся там «весьма напряжённой» обстановке, «подрывной работе» контрреволюционных элементов, «жесточайшей экономической разрухе» и «обострённой классово-партийной борьбе»¹. По словам Владимирского, «от “пришли” до “ушли” прошло всего 75 дней. Но за этот краткий период имело место столько событий и парадоксов, на которые

Материал подготовлен в Санкт-Петербургском государственном университете при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-78-10044 «Крым в поисках национального и конфессионального согласия (1783-1920 гг.)».

* Владимирский М.В. Красный Крым 1919 года. М.: Издательство Олега Пахмутова, 2016. 304 с. (I); Владимирский М.В. Белый деникинский Крым: Июнь 1919 — март 1920. М.: Кучково поле, 2019. 320 с. (II).